



РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ



А. В. Назаренко

ПАМЯТИ ЛЮДОЛЬФА МЮЛЛЕРА
(5.04.1917 – 22.04.2009)

22 апреля, в среду Светлой седмицы, только что перешагнув 92-летний рубеж, ушел из жизни Людольф Мюллер.

Из жизни и одновременно *e mediis rebus* науки — и это не комплиментарный эвфемизм патриарху, а самая что ни на есть буквальная правда. Ибо до самого последнего времени ученый сохранял ясный ум и удивительную работоспособность, продолжая преданно трудиться над осуществлением одного из заветных своих замыслов — историко-филологическим комментарием к «Повести временных лет» — последним, пятым, томом фундаментального «Handbuch zur Nestorchronik», издававшегося им на протяжении 30 (!) лет.

Фигура Людольфа Мюллера была, да и остается, безусловно, знаковой, даже более того — символической. А символы кажутся вечными. И потому кончина почти столетнего старца, которая в плане физическом никак не может быть вполне неожиданной, все же рождает чувство метафизической ошибки, зияния в «умном» мире.

Очень трудно определить, кем был Людольф Мюллер. Историком (кропотливым исследователем Древней Руси и Русской церкви)? филологом (текстологом древнерусской литературы, внимательным читателем и толкователем Толстого, Достоевского, Чехова)? богословом (тема взаимоотношений протестантизма и православия в разных своих поворотах не оставляла его всю жизнь)? философом (сосредоточившимся на Владимире Соловьеве, но много сил посвятившим русской религиозной философии вообще)? переводчиком (не только того же Владимира Соловьева, но бесчисленного множества древнерусских памятников, русской поэзии от Пушкина до Пастернака)? поэтом? И кто знает, в какой последовательности правильнее расставить эти — и наверняка еще многие другие — определения? И под какую рубрику подвести человека, в котором почти в равной мере соединилось и то, и другое, и третье?

Конечно, обозревая теперь *à vue d'oiseau* весь огромный массив сделанного Людольфом Мюллером, мы без колебаний скажем, что перед нами — великий ученый. Но от подавляющего большинства (слава Богу, не от всех!) его коллег, зарубежных русистов, среди которых немало замечательных исследователей, Людольфа Мюллера отличало одно принципиальное качество: он любил Россию. А это уже вненаучная характеристика. Ученый интерес, рожденный и освященный любовью к своему предмету, — редкое счастье для ученого и большая удача для науки. Испытующее и любовное вглядывание в Россию, чаяние в ее истории и культуре некоего особого — быть может, грядущего — смысла выводит ученого Людольфа Мюллера далеко за

пределы собственно научного плана и ставит в один ряд с поэтом поэтов Р. М. Рильке или историософом В. Шубартом. Недаром ему была так близка мысль О. Шпенглера о «европеизации» как псевдоморфозе русской культуры.

Вот почему интерес Людольфа Мюллера к России был прочным, не подверженным переменам научной конъюнктуры, влияниям «ориентаций» и «переориентаций» в немецкой *Ostforschung* — в том числе и последней поры, когда многие бывшие русисты вдруг очертили свой горизонт по восточной границе того, что с некоторых пор называется уродливым, и в этой уродливости выдающим свою незаконнорожденность, термином «Центрально-Восточная Европа».

Вот почему отношение Людольфа Мюллера к предмету своих изысканий и к самой русистике было теплым — как к чему-то живому, растущему, обещающему. Автору этих строк всегда будет памятна трогательная радость, которую вызвала у маститого ученого пространная и довольно въедливая критика, высказанная по поводу его последнего (2001 г.) крупного труда — перевода-реконструкции «Повести временных лет»: «Как будто вернулись времена А. А. Шахматова и В. И. Истрина!».

Вот почему знание о том, что Людольф Мюллер был и будет с нами в своем наследии, посвященном России, столь греет душу.

...Горько глядеть на письменный стол, на котором осталась лежать очередная кучка так и не отправленных вовремя отписок с дарственными надписями — теперь уже как приветами в далекое, очень далекое, зарубежье, где «несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание»...

Христос воскрес!

19 мая 2009 г.

